

УДК 931/939

DOI: 10.34670/AR.2026.64.81.009

Социальный коллапс третьей династии Ура

Соколов Юрий Валентинович

Старший преподаватель,
кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин,
Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний России,
160002, Российская Федерация, Вологда, ул. Щетинина, 2;
e-mail: lention@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена философскому анализу причин, факторов и последствий падения царства Ура третьей династии. В основе анализа лежит признание комплексного характера проблемы социального коллапса. Отмечается, что многофакторность коллапса наблюдалась и в других исторических примерах. Показано, что попытка выделить одну причину коллапса приводила к противоречиям между исследователями. В настоящей статье коллапс третьей династии Ура анализируется на основе разделения факторов коллапса на две группы: материальные и духовные. Материальные факторы включают в себя циклическую динамику, отражающую падение прибыли от инвестиций, и внешние силы — экологические бедствия (засухи, похолодания) и вражеские нашествия. Вторая группа факторов отражает состояние самого общества накануне кризиса: глубину стратификации и разделения труда, степень отчуждения, уровень сплоченности. Композиционно эти факторы объединяются в метамифе «трудной задачи». Применение данной методики к падению Ура приводит к формуле, в которой роль трудной задачи играют засуха и вызванная ею активность кочевых амореев, которые стремятся превратить поля шумеров в пастбища, а самих шумеров в своих данников. Глубокая разобщенность обитателей царства Ура не позволяет им сплотиться для изгнания захватчиков. Элита (царь и его двор) не получает поддержки от народа и, преданная контрэлитой, трагически гибнет. Сверхзадача, взятая на себя третьей династией Ура — защита и прославление шумерской культуры — теряет смысл вместе с гибелью династии. Таким образом, раздел царства Ура знаменует собой закат шумерской цивилизации. Юг Междуречья угасает под властью амореев и аккадцев и никогда больше не приобретает политического значения.

Для цитирования в научных исследованиях

Соколов Ю.В. Социальный коллапс третьей династии Ура // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2026. Том 15. № 3А. С. 289-296. DOI: 10.34670/AR.2026.64.81.009

Ключевые слова

Социальный коллапс, третья династия Ура, Цимбурский, Тойнби, шумерская цивилизация, Месопотамия, амореи.

Введение

3-я Династия Ура — царская династия, объединявшая под своей властью всю Месопотамию с 2112 года до н. э. до 2004 года до н. э. В конце этого периода Царство Ура подверглось нашествию кочевых племён — преимущественно семитоязычных амореев. После того, как провинции отложились от царя Ура, столица была захвачена эламитами и полностью разрушена, что и положило конец династии. Падение царства Ура произвело неизгладимое впечатление на обитателей Междуречья [Mohammed K. Rokan, 2018, с.126]. Это событие представляет собой яркий пример политического, и, шире, социального коллапса: распада социальной структуры, остатки которой ассимилируются более здоровыми социальными организмами. Данный пример порождает социально-философскую проблему: какие факторы социального, психологического, мировоззренческого характера обуславливают коллапс третьей династии Ура?

Методы

При решении проблемы социального коллапса исследователи для каждого конкретного исторического случая стремились найти уникальную специфическую причину. Если же это им не удавалось, то они сквозь зубы признавали «многофакторность» коллапса (например, в случае коллапса классических майя, или катастрофы бронзового века). В тех же случаях, когда исследователи пытались создать общую теорию коллапса, они выдвигали один фактор в качестве ведущего (Тэйнтон — экономическую динамику, которая в какой-то момент делает существование сложного общества дорогим и невыгодным [Tainter, 1988], Даймонд — нарушение баланса в отношениях человека с окружающей средой [Даймонд, 2008], иногда вызванное его неудачным способом производства, а иногда — катастрофическим изменением природных условий). В настоящей работе мы будем опираться на авторскую модель социального коллапса, которая рассматривает социум как сложное, динамическое, самовоспроизводящееся целое. Данная модель признает фактор внутренней динамики (цикличности) социума на основе выделенных Питером Турчиным «вековых циклов» [Турчин, 2010]. При этом как внутренний кризис так и кризис внешний (вызванный изменением природных условий или нашествием иноплеменников) рассматриваются как материальные факторы выводящие общество из состояния равновесия, и обнажающие его социальные, культурные, мировоззренческие язвы.

Данный подход основан на предложенной Цимбурским интерпретации Тойнбианского «вызова и ответа» (миф о «трудной задаче») [Цимбурский, 2011]. Способность решить задачу определяется сплоченностью социума («асабия») и сохранением им способности к воспроизводству.

Результаты

«Трудной задачей» для III династии Ура стало нашествие семитских кочевников-амореев, спровоцированное засухой, которая сократила площади их пастбищ и земель, пригодных для земледелия [Козырева, 2017, с.358]. Амореи сумели обойти построенную против них стену и вторглись в Месопотамию с северо-востока. «Они не штурмовали городов, перерезали коммуникации и расселялись на плодородных полях и пастбищах» [Захаров, 2016, с.36]. Царь

Ура, Ибби-Суэн, во время прорыва амореев вёл традиционную для Шумерских правителей войну с Эламом. По возвращении он застал в столице нарастающий голод. Он отправил военачальника по имени Ишби-Эрра в оставшиеся подконтрольными северо-западные области за хлебом. Неожиданно, Ишби-Эрра свёз собранный хлеб в город Йссин, где и провозгласил себя царём. Его примеру последовал правитель Эшнуны [Захаров, 2016, с.36]. После этого обозлённые эламиты захватили Ур. Захватчики полностью опустошили город, разрушили его стены, его дворцы и храмы. Царь был захвачен в плен, и, вероятно, убит [Mohammed K. Rokan, 2018, с.126].

Неспособность царства Ура и его правящей верхушки отразить нападение кочевников, указывает на *внутренние, глубинные* причины коллапса. Как отмечает Дьяконов, царство Ура, страдало от серьезнейших внутренних противоречий; «за исключением бюрократической его верхушки, мало кто был заинтересован в продолжении его существования» [Дьяконов, 1990, с.10].

Основой хозяйственной жизни Месопотамии был общественный труд по сооружению и содержанию в порядке ирригационной-системы. Собственность на землю была общинной; обработка земли в которых велась как с использованием труда рабов, так и свободных общинников. Третья династия Ура не изменила эту систему, а увеличила в размерах и распространила на всю покоренную страну [Тюменев, 1956, с.415]. При этом, как отмечают исследователи, в царстве III династии Ура, «социально-экономический и правовой баланс между общинными и государственными (царскими) структурами был нарушен в пользу последних» [Никитина, 2011, с.103].

Следует отметить, что общинно-частное землевладение и местное самоуправление не были полностью вытеснены царской администрацией. Сохранились сведения о существовании в нонах института старейшин. А о наличии свободных общинников свидетельствует привлечение царским хозяйством наемных работников за определенную плату [Дьяконов, 1990, с.8]. Однако царский сектор доминировал в экономике при III династии Ура [Дьяконов, 1990, с.9]. Под полным государственным контролем оказалось всё ремесло, и внешняя торговля [Дьяконов, 1990, с.7].

Продукты, произведенные в государственном секторе, распределялись по нормативам между чиновниками, слугами и рабами. Выделение земельного участка чиновникам для пропитания не практиковалось. Зерновые выдачи производились ежемесячно [Тюменев, 1956, с.401]. Помимо зерновых, выдавались и другие продукты: масло, рыба, пиво [Тюменев, 1956, с.405]. Размеры зерновых пайков наглядно демонстрируют глубокое социальное расслоение в царстве Ура: высшее чиновничество могло получать в десятки и сотни раз больше ячменя чем рабочие. Тюменев, подводя итог нормам довольствия, подчёркивал его недостаточность, «особенно если учесть тяжелую эксплуатацию их труда» [Тюменев, 1956, с.413].

Институт частной собственности не был уничтожен, но серьёзно пострадал. В царстве Ура нормой была работа за паёк, «самостоятельное хозяйствование царских служащих, не говоря уже о производящем персонале, не поощрялось» [Дьяконов, 1990, с.12]. Отмечается также массовое разорение мелких производителей [История Древнего Востока, 2005, с.126].

Относительно положения рабов и их роли в экономике в исторической науке сложились разные, даже противоположные мнения. Классическую точку зрения высказывал Тюменев. Он утверждал, что эксплуатация труда рабочих (независимо от происхождения) была крайне жестокой, и приобретала «черты настоящего рабства» [Тюменев, 1956, с.429]. В противоположность этому мнению, некоторые исследователи настаивали на том, что

значительная часть рабочих «являлись юридически свободными, могли иметь семьи, собственное хозяйство, скот» [Попова, 2022, с.107]. Среднюю позицию занимал Дьяконов, полагавший, что «одна часть земли в шумерских городах-государствах принадлежала храму, другая, причём большая, — общине. На храмовой земле работали рабы и полузависимые общинники, а на общинной, где было возможным частное владение, — свободные граждане» [Попова, 2022, с.105]. Эти граждане тоже могут рассматриваться как часть административно-командной системы (наемные работники).

Принято считать, что рабы подвергались крайне жестокой эксплуатации. Очевидно, это было возможно только в том случае, если рабы были дешёвы; низкие цены на рабов подтверждаются исследователями: «о большом развитии рабства говорит тот факт, что ими нередко владели люди небольшого достатка» [История Древнего Востока, 2005, с.126]. О недостаточности питания рабов было сказано ранее. Следствием тяжёлой эксплуатации была высокая смертность среди персонала царского хозяйства. Не выдерживая жестокого обращения, рабы *сбегали* от своих надсмотрщиков [Тюменев, 1956, с.429]. Пополнять число рабов могли разорившиеся общинники, или военнопленные. Военные экспедиции в Элам и другие страны предпринимались не только для получения ценных ресурсов (дерево, металл), но и для захвата пленных. Вспомним тезис Тойнби о расколе социума на элиты и внутренний пролетариат. Последний формировался из разорившихся граждан и порабощенных народов. Они чувствуя себя «в» обществе, не чувствовали себя его членами [Тойнби, 2009, с.828]. Роль внешнего пролетариата, очевидно досталась амореям и эламитами.

Огосударствление экономики в царстве Ура привело к развитию мощного командно-административного аппарата, который контролировал все этапы производства и обмена: от засева полей до выдачи со склада готовых продуктов и ремесленных изделий. Вся продукция обширного царского хозяйства сосредоточивалась на центральных и местных складах. Зерно и другие предметы довольствия распределялись согласно определенным нормам, среди административного и рабочего персонала. «На склады до своего окончательного распределения помещались и готовые ремесленные изделия. На все случаи поступлений и выдач со складов составлялись специальные документы» [Тюменев, 1956, с.379]. Документировалось и подлежало учёту всё: площади полей, трудовые затраты, пайки. Складской учёт включал в себя опись поступивших товаров, опись выданных, и опись текущего остатка. Ничего в царстве Ура нельзя было добиться без «бумажки» — точнее глиняной таблички, подписанной чиновником. Такой аппарат, быть может достаточно эффективный на уровне нома, раздутый до размеров государства, несомненно, тормозил развитие экономики. Сложная система многостороннего учёта наводит также на мысль о попытке противодействовать таким образом некоторым злоупотреблениям, а именно растратам и взяточничеству, которые всегда сопровождают бюрократию.

Были ли жители царства Ура носителями некой «урской» идентичности? Исторические шумерские города-государства представляли собой сплоченные общины, и именно принадлежность к общине, а не к «шумерскому этносу» играла ведущую роль в самоидентификации шумеров [Козырева, 2017, с.348]. Возвышение Ура не привело к формированию новой, имперской идентичности. Городские элиты, очевидно, ослабли, но не вовсе лишились политического влияния. Они почти не заявляли о себе в период III династии Ура, но, как только династия пережила крах, «вновь вернулась к прежнему состоянию автономных городских систем» [Козырева, 2017, с.356].

Наименее *лояльной* режиму социальной стратой были рабы. Занятые подневольным трудом

люди, в особенности иноплеменники, составляя экономический базис царства не могли и не хотели отождествлять его интересы со своими собственными. Как только вторжение амореев разрушило бюрократический аппарат, «отряды гурушей, работавших из-под палки на царских полях, на юго-востоке страны попросту разбежались» [Дьяконов, 1990, с.11].

Наконец, чиновники, по видимому, не проявили должной лояльности к кормившему их бюрократическому Левиафану. Очевидно счетоводам и заведующим складами не доставало воинской доблести; то же касается и высших чиновников, назначенных царём управлять отдельными городами. Когда Ишби-Эрра задумал мятеж, он заручился поддержкой правителей окружающих городов, чтобы усилить свое влияние. Ишби-Эрра провозгласил себя царем, а Иссин — столицей своего государства, чиновничество приняло этот факт и стало служить новой династии [Mohammed K. Rokan, 2018, с.124]. Таким образом, народ царства Ура продемонстрировал низкую сплочённость и отсутствие лояльности правящей династии. Рабы бежали, городские элиты готовы были восстать в любой момент, население уклонялось от повинностей. Всё это привело к краху «системы гигантского царского хозяйства» [История Древнего Востока, 2005, с.127].

Третья династия Ура, очевидно не испытывала затруднений с материальным производством. Однако труд полуголодных рабов не отличается высокой производительностью; если принять во внимание распределительный характер царского хозяйства и необходимость содержания армии чиновников, экономический базис царства Ура выглядит шатким [Дьяконов, 1990, с.12]. Коллапс, как мы видим, наступил сразу после того, как продовольствие перестало поступать в столицу.

Культурное производство в обществе с социальным и имущественным расслоением и выраженным разделением труда становится профессией. За «культуру» отвечают ремесленники, художники, архитекторы и скульпторы, работающие за паёк на царя и храмы. Цари не жалеют средств на строительство культовых сооружений и дворцов (зиккурат Ур-Намму, царский дворец в Уре) [История Древнего Востока, 2005, .125]. Такого рода сооружения можно рассматривать и как инвестиции, и как форму элитарного потребления. Сюда же можно отнести монументальные портреты правителей «в позе величавого спокойствия» [История Древнего Востока, 2005, с.179].

В производстве человека могли наблюдаться небольшие затруднения, так как рабы были лишены возможности создавать семьи; однако двухсекторность экономики, и наличие некоторого количества свободных общинников позволило сохранить население и технологию орошаемого земледелия и в царстве Ларсы и в царстве Иссина.

Это позволяет нам сделать вывод о том, что политический коллапс третьей династии Ура не носил тотального характера: способность к производству частично сохранилась, утраты технологий не произошло, хотя исчезновение крупного заказчика неизбежно привело к упадку монументального искусства.

Обсуждение

Предметом дискуссии становятся не только причины коллапса, но его статус. Так, при обсуждении коллапса классических майя отмечается, что часть майянских городов пережила коллапс и сохранилась до испанского завоевания. Падение третьей династии Ура, это, несомненно, крах государства, политический коллапс. Но можно ли назвать это событие цивилизационным крахом? Царство Иссина во многом унаследовало традиции Ура, да и

шумерская культура в целом нашла продолжение в культуре Вавилона и Ассирии.

Более глубокий анализ заставляет признать что за политическим крахом скрывается масштабный культурный перелом. Создателями культуры Междуречья были Шумеры. Культура, несмотря на её общечеловеческий характер, имеет этнический субстрат, в основе её лежит определенный национальный дух. Другие народы, хотя и могут перенять многие достижения культуры, берут не всё, а многое наполняют новым смыслом, то есть вкладывают свой собственный дух в чужие формы. Процесс такой культурной эволюции убедительно показал Емельянов на примере эпоса о Гильгамеше: «есть линии и детали шумерских сказаний, которые аккадский эпос отбрасывает... Гильгамеша предпочитают видеть одиноким странником, не отягощенным семейными привязанностями и действующим на основании здравого смысла, а не ритуальных мотиваций» [Емельянов, 2015, с.119]. Тогда как Гильгамеш раннего Шумерского эпоса это не культурный герой и философ, это страстный человек одержимый жаждой жизни. Его подвиги несут лишь один смысл — увековечить своё имя: «главным страхом Бильгамеса был страх остаться непогребенным, забытым и голодным» [Емельянов, 2015, с.98].

Итак, шумерская душа отличалась от семитской. И смыслом существования царства третьей династии Ура, его исторической миссией, была защита и возрождение шумерской культуры. Хозяйство велось методами, характерными для шумерских номов, но в увеличенных в несколько раз размерах. Языком делопроизводства был шумерский, в то время как разговорным — преимущественно аккадский (сказалось господство аккадцев в предшествующую эпоху). Можно сколько угодно отрицать национальный фактор в политике Междуречья, но о его значимости красноречиво свидетельствует следующее: в письме губернатору Пузур-Нимушде, склонявшемуся на сторону Ишби-Эрры, царь Ибби-Суэн с горечью заявляет, что Ишби-Эрра «не происходит от шумерского семени, он не сможет реализовать свое желание и править Шумером» [Mohammed K. Rokan, 2018, с.125]. С падением Ура не стало шумерской государственности. Ишби-Эрра, как мы знаем, смог «реализовать свое желание и править Шумером», но не всем, а только его частью. Шумерская идеология Ура не сплотила его население; трудно назвать «подлинными шумерами» царских чиновников, которые вели делопроизводство на вымирающем языке. Знание этого языка, и непонятной для непосвященных письменности, пожалуй, только отдаляла их от крестьян и ремесленников, а значит и народ царства Ура, лишенный сплоченности, не устоял перед посланным Энлилем бедствием.

Заключение

Кризис третьей династии Ура был запущен внешним фактором, в лице кочевников - Аморея. Элита Ура оказалась не способна дать достойный ответ на этот вызов, так как была предана своим окружением. В судьбе Ибби-Суэна реализовался метаисторический сюжет *скупого рыцаря*: «саморазрушитель вовлекает свое окружение в казнь над собой» [Цымбурский, 2011, с.362]. Катастрофа была обусловлена замещением естественных социальных связей бюрократическими. Бюрократы не способны были дать отпор ни захватчикам, ни узурпатору, а рабы и наёмники разбежались с исчезновением администрации.

Библиография

1. Даймонд, Дж. Коллапс. Почему одни общества приходят к процветанию, а другие — к гибели / Дж. Даймонд. — М. : АСТ, 2008. — 762 с.
2. Дьяконов, И. М. Люди города Ура / И. М. Дьяконов. — М. : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. — 429 с.
3. Емельянов, В. В. Гильгамеш. Биография легенды / В. В. Емельянов. — М. : Молодая Гвардия, 2015. — 358 с.
4. Захаров, А. О. История Древнего Востока : курс лекций / А. О. Захаров. — М. : НОЧУ ВПО «Институт стран Востока», Институт востоковедения РАН, 2016. — 286 с.
5. История Древнего Востока : учеб. для студ. вузов, обучающихся по спец. «История» / А. А. Вигасин [и др.]. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Высш. шк., 2005. — 460 с.
6. Козырева, Н. В. Городские восстания XXIV–XVIII вв. до н. э. в Южной Месопотамии / Н. В. Козырева // Вестник СПбГУ. Востоковедение и Африканистика. — 2017. — № 4. — С. 344–364.
7. Никитина, А. Д. Древневосточное право и типы государственных образований на древнем Востоке (XXII–XVIII века до н. э.) / А. Д. Никитина // Magistra Vitae : электронный журнал по историческим наукам и археологии. — 2011. — № 9 (224). — С. 99–104.
8. Попова, А. А. Рабовладение в древней Месопотамии: судьба концепта в позднесоветское время / А. А. Попова // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». — 2022. — № 3 (35). — С. 103–114.
9. Тойнби, А. Дж. Исследование истории: Цивилизации во времени и пространстве / А. Дж. Тойнби. — М. : АСТ, 2009. — 863 с.
10. Турчин, П. В. Историческая динамика: На пути к теоретической истории / П. В. Турчин ; пер. с англ. — 2-е изд. — М. : ЛКИ, 2010. — 368 с.
11. Тюменев, А. И. Государственное хозяйство древнего Шумера / А. И. Тюменев. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1956. — 519 с.
12. Цымбурский, В. Л. Конъюнктуры Земли и Времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования / В. Л. Цымбурский. — М. : Европа, 2011. — 372 с.
13. Mohammed K. Rokan. Экономический упадок г. Ур (Месопотамия) и его последствия / Mohammed K. Rokan // Арабистика Евразии. — 2018. — № 3. — С. 120–129.
14. Tainter, J. A. The Collapse of Complex Societies / J. A. Tainter. — Cambridge : Cambridge University Press, 1988. — 250 p.

The Social Collapse of the Third Dynasty of Ur

Yurii V. Sokolov

Senior Lecturer,
Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines,
Vologda Institute of Law and Economics \
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
160002, 2, Shchetinina str., Vologda, Russian Federation;
e-mail: lention@mail.ru

Abstract

The article is devoted to a philosophical analysis of the causes, factors, and consequences of the fall of the kingdom of Ur of the Third Dynasty. The analysis is based on the recognition of the complex nature of the problem of social collapse. It is noted that the multifactorial nature of collapse was also observed in other historical examples. It is shown that attempts to single out one cause of collapse led to contradictions among researchers. In this article, the collapse of the Third Dynasty of Ur is analyzed on the basis of dividing the factors of collapse into two groups: material and spiritual. Material factors include cyclical dynamics reflecting the decline in return on investment, and external forces – ecological disasters (droughts, cooling) and enemy invasions. The second

group of factors reflects the state of society itself on the eve of the crisis: the depth of stratification and division of labor, the degree of alienation, and the level of cohesion. Compositionally, these factors are combined into the metamyth of the "difficult task". The application of this methodology to the fall of Ur leads to a formula in which the role of the difficult task is played by drought and the activity of nomadic Amorites caused by it, who strive to turn the fields of the Sumerians into pastures and the Sumerians themselves into their tributaries. The deep disunity of the inhabitants of the kingdom of Ur does not allow them to unite to expel the invaders. The elite (the king and his court) does not receive support from the people and, betrayed by the counter-elite, tragically perishes. The overarching task taken on by the Third Dynasty of Ur – the protection and glorification of Sumerian culture – loses its meaning along with the death of the dynasty. Thus, the division of the kingdom of Ur marks the decline of Sumerian civilization. The south of Mesopotamia fades under the rule of the Amorites and Akkadians and never again acquires political significance.

For citation

Sokolov Yu.V. (2026) Sotsial'nyy kollaps tret'ey dinastii Ura [The Social Collapse of the Third Dynasty of Ur]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 15 (3A), pp. 289-296. DOI: 10.34670/AR.2026.64.81.009

Keywords

Social collapse, Third Dynasty of Ur, Tsimbursky, Toynbee, Sumerian civilization, Mesopotamia, Amorites.

References

1. Diamond, J. (2008). Kollaps. Pochemu odni obshchestva prikhodyat k protsvetaniyu, a drugie — k gibeli [Collapse. Why Some Societies Prosper While Others Fail]. AST.
2. D'yakonov, I. M. (1990). Lyudi goroda Ura [The People of the City of Ur]. Nauka.
3. Emelyanov, V. V. (2015). Gilgamesh. Biografiya legendy [Gilgamesh. Biography of a Legend]. Molodaya Gvardiya.
4. Kozyreva, N. V. (2017). Gorodskiy vosstaniya XXIV–XVIII vv. do n. e. v Yuzhnoy Mesopotamii [Urban uprisings in the 24th–18th centuries BC in southern Mesopotamia]. Vestnik SPbGU. Vostokovedeniye i Afrikanistika, (4), 344–364.
5. Mohammed K. Rokan. (2018). Ekonomicheskiy upadok g. Ur (Mesopotamiya) i yego posledstviya [The Economic Decline of the City of Ur (Mesopotamia) and Its Consequences]. Arabistika Yevrazii, (3), 120–129.
6. Nikitina, A. D. (2011). Drevnevostochnoye pravo i tipy gosudarstvennykh obrazovaniy na drevnem Vostoke (XXII–XVIII veka do n. e.) [Ancient Eastern Law and Types of State Formations in the Ancient East (22nd–18th centuries BC)]. Magistra Vitae, (9), 99–104.
7. Popova, A. A. (2022). Rabovladieniye v drevney Mesopotamii: sud'ba kontsepta v pozdnesovetskoye vremya [Slavery in Ancient Mesopotamia: the Fate of the Concept in the Late Soviet Period]. Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Istoricheskiye nauki", (3), 103–114.
8. Tainter, J. A. (1988). The Collapse of Complex Societies. Cambridge University Press.
9. Toynbee, A. J. (2009). Issledovaniye istorii: Tsivilizatsii vo vremeni i prostranstve [A Study of History: Civilization in Time and Space]. AST.
10. Turchin, P. V. (2010). Istoricheskaya dinamika: Na puti k teoreticheskoy istorii [Historical Dynamics: On the Path to a Theoretical History] (2nd ed.). LKI.
11. Tyumenev, A. I. (1956). Gosudarstvennoye khozyaystvo drevnego Shumera [The State Economy of Ancient Sumer]. Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR.
12. Tsymburskiy, V. L. (2011). Kon'yunktury Zemli i Vremeni. Geopoliticheskiye i khronopoliticheskiye intellektual'nyye rassledovaniya [Conjuncture of Earth and Time. Geopolitical and chronopolitical intellectual investigations]. Yevropa.
13. Vigasin, A. A., et al. (2005). Istoriya Drevnego Vostoka [History of the Ancient East] (3rd ed.). Vysshaya Shkola.
14. Zakharov, A. O. (2016). Istoriya Drevnego Vostoka [History of the Ancient East]. Institute of Oriental Studies.